Master Negative Storage Number

OCI00057.11

Voronye grivachi

Moskva

1904

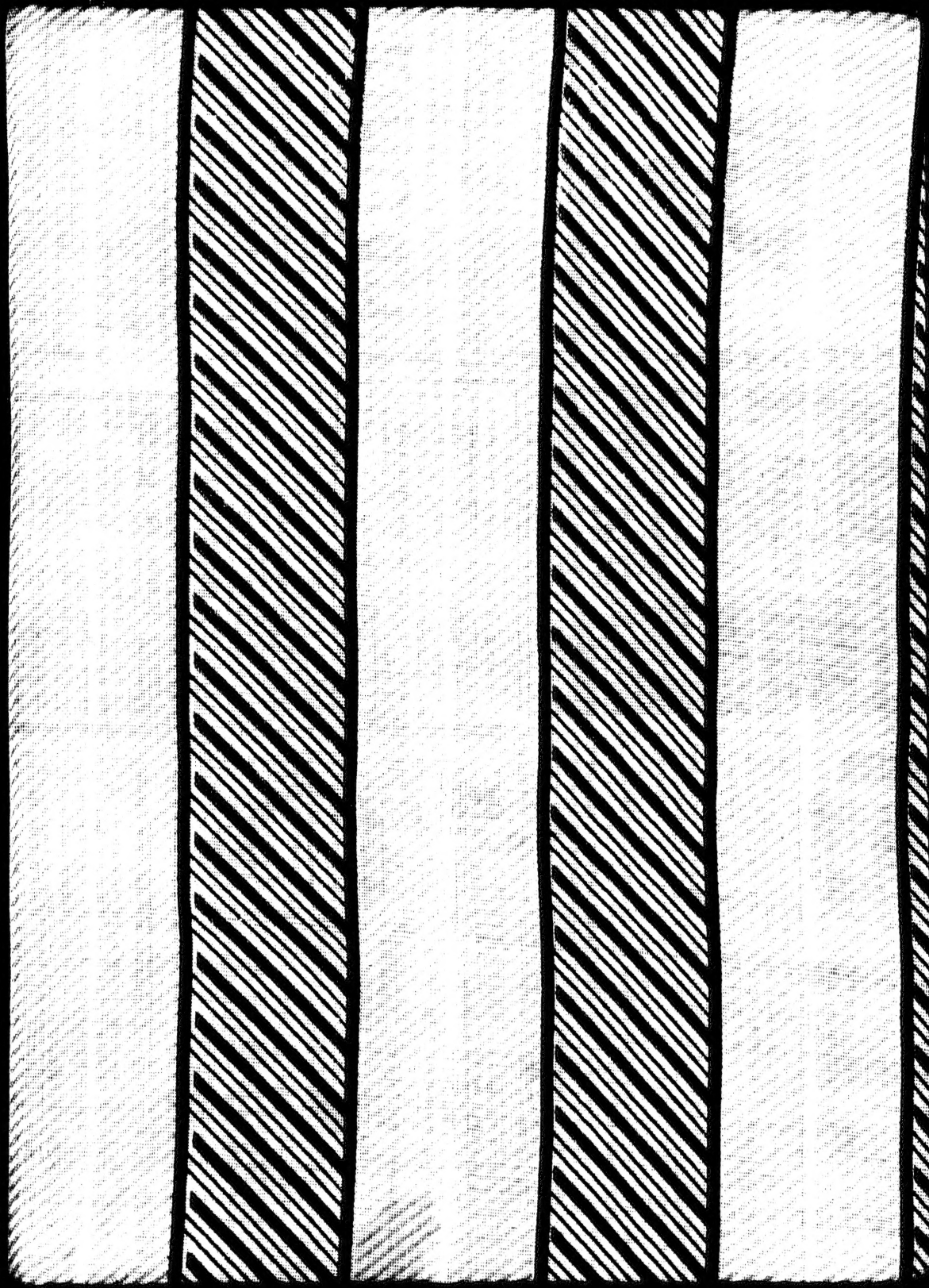
Reel: 57 Title: 11

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION
Master Negative Storage Number: OCI00057.11

Control Number: BGO-9637
OCLC Number : 25249347
Call Number : W 381.5917S V917 no. 1
Title : Voronye grivachi : sobranie novykh iamshchitskikh, udalykh i liubovnykh piesen i romansov.
Imprint : Moskva : Tip. I. IA. Poliakova, 1904.
Format : 36 p. ; 17 cm.
Note : Illustrated covers.
Subject : Chapbooks, Russian.
Subject : Songs, Russian Texts.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 11/1/94
Camera Operator: RT



W 46.

ВОРОНЫЕ ГРИВАЧИ.

ПѢСЕННИКЪ

ВОРОНЫЕ ГРИВАЧИ.

СОБРАНІЕ НОВЫХЪ

ЯМЩИЦКИХЪ, УДАЛЫХЪ И ЛЮБОВНЫХЪ

ПѢСЕНЪ и РОМАНСОВЪ.

МОСКВА.
Типо-литографія И. Я. Полякова.
Б. Семеновская ул., Барабанный пер., соб. д.
1904.

Дозволено цензурою. Москва, 20 января 1903 года.

Вороные гривачи.

Что такъ скучно,
Что такъ грустно,—
День идетъ не въ день!
А бывало,
Распѣвалъ я,—
Шапку на бекрень!

Гей, вы, ну-ли!
Что заснули?!
Шевели, гляди!
Вороные, удалые,
Гривачи мои!

Съ пѣсней звонкой
Шелъ сторонкой
Къ Дюбушкѣ своей!
И съ украдкой,
И съ оглядкой
Цѣловался съ ней!

Гей, вы, ну-ли! и т. д.

IRREGULAR PAGINATION

Мать узнала—
Все пропало—
Любу заперла,
И изъ дому
За Ерёму
Замужъ отдала!

Гей, вы, ну-ли! и т. д.

Я другую
Молодую
Выберу жену!
Въ чистомъ полѣ,
На привольѣ,
Гибкую сосну!

Гей, вы, ну-ли! и т. д.

Время минетъ,
Кровь застынетъ,
пройдетъ печаль!
Вороную,
Удалую
Только тройку жаль!

Гей, вы, ну-ли! и т. д.

И. К. К.

И любилъ,
И дарилъ
Всякими сластями?

Угождалъ,
И [illegible]
[illegible]ба на [illegible]ойкѣ!
[illegible]палъ,
Поигрывалъ
Пѣсенкою звонкой!

Что-жъ ты сталъ,
Закачалъ
Пѣгою головкой!
Ну же, ну!
Вѣдь, хлестну
Вдоль спины я ловко!“

Тутъ онъ всталъ,
Замоталъ
Вожжи, подбодрился,
И лихой,
Задиной
Пѣсней заливался.

На пути.

Гремитъ звонокъ, и тройка мчится,
За нею вьется пыль столбомъ.
Вечерній звонъ по [illegible]
Безмолвье мертвое кругом[illegible]

Вотъ на пути село большое.
Туда ямщикъ мой поглядѣлъ.
Его забилось ретивое,
И потихоньку онъ запѣлъ:

„Твоя краса меня прельстила,
Теперь мнѣ бѣлый свѣтъ постылъ
Зачѣмъ, зачѣмъ обворожила,
Какъ я душѣ твоей не милъ?“

„Недолго пѣснью удалою,
Недолго тѣшить сѣдока,—
Ужь скоро, скоро подъ землею
Сокроютъ тѣло ямщика!“

„По мнѣ лошадушки взгрустятся,
Разставшись, борзыя, со мной:
Онѣ ужь больше не помчатся
Вдоль по дорожкѣ столбовой!“

„И ты, дѣвица молодая,
Быть-можетъ, тяжко воздохнешь;
Кладбище часто посѣщая,
Къ моей могилѣ подойдешь“.

„Въ тоскѣ кручинушкѣ сердечной,
Лицо къ сырой землѣ склоня,
Промолвишь мнѣ: „Въ разлукѣ вѣчной
Съ тобой красавицѣ твоя!“

Въ глазахъ тутъ слезы показались,
Но ихъ бѣднякъ не отиралъ:
Пока до мѣста не домчались,
Онъ волю полную имъ далъ.

Ужь, говорятъ, его не стало,
Дѣвица бѣдная въ тоскѣ.
Она безвременно увяла,
Грустя по миломъ ямщикѣ.

Очи голубыя.

Вотъ мчится тройка удалая
Вдоль по дорожкѣ столбовой.
И колокольчикъ, даръ Валдая,
Гудитъ уныло подъ дугой.

Ямщикъ лихой, онъ всталъ съ полночи,
Ему взгрустнулося въ тиши,—
И онъ запѣлъ про ясны очи,
Про очи дѣвицы-души.

„Ахъ, очи, очи голубыя,
Вы изсушили молодца!

Зачѣмъ, о люди, люди злые,
Вы ихъ разровняли сердца!“

Такъ пѣлъ ямщикъ про дни былые,
На руки вожжи намотавъ.
И Волги берега родные
Уже скрывались межъ дубравъ.

Ахъ, онъ разстался съ красотою.
И слезы канули на грудь.
Вздохнулъ, отеръ онъ ихъ полою,
Махнулъ—и тройка вихремъ въ путь.

О. Г.

Тройка борзыхъ.

Запрягу я тройку борзыхъ,
Темно-карихъ лошадей,
И помчусь я въ ночь морозну
Прямо къ Любушкѣ своей.

По привычкѣ кони знаютъ,
Гдѣ сударушка живетъ,
Снѣгъ копытами взбиваютъ,
Ямщикъ пѣсенки поетъ:

„Ей! вы, други дорогіе,
Мчитесь сокола быстрѣй,

Не теряйте дни златые,
Ихъ немного въ жизни сей!“

„Пока сердце въ груди бьется,
Будемъ весело мы жить;
Пока кудри въ кольца вьются,
Будемъ дѣвушекъ любить“.

Ночь была морозна, ясна;
Ямщикъ тройку осѣдлалъ;
Съ поцѣлуемъ жаркимъ, страстнымъ
Любу въ сани посадилъ.

И Любаша, не краснѣя,
Его ручкой обвила,
И потомъ скорѣй, скорѣе
Въ свою хату повела.

О. Лазаревъ.

Вотъ и догулялся.

Аль опять
Не видать
Прежней, красной доли?
Я душой
Самъ не свой,
Сохну, какъ въ неволѣ!

А бывалъ
Я удалъ,
Съ ухарской тройкой,
Понесусь,
И зальюсь
Пѣсенкою звонкой!
Не кнутомъ
Поведемъ,
Только рукавицей,
И по пнямъ,
По холмамъ
Мчатъ лошадки птицей!
Ни съ тоской,
Ни съ слезой
Молодецъ не знался,
Попѣвалъ,
Да пулялъ—
Вотъ и догулялся!
Ужъ дугу
Не смогу
Натянуть, какъ надо!
Вожжи врозь,
Ну, хоть брось...
Гдѣ-жъ моя отрада?
Ночью, днемъ,
Подъ окномъ
Тяжко воздыхаю,
Все по ней,
По моей
Дунюшкѣ страдаю!
Аль опять
Не видать
Прежней, красной доли?

Я душой
Самъ не свой,
Сохну, какъ въ неволѣ!

Кто сей путникъ?

Тройка мчится, тройка скачетъ,
Вьется пыль изъ-подъ копытъ;
Колокольчикъ звонко плачетъ,
И хохочетъ, и визжитъ.

Словно лѣшій съ вѣльмой вторитъ,
Иль аукается съ ней,
Иль русалка тараторитъ
Въ рощѣ звонкихъ камышей.

Глянулъ мѣсяцъ изъ-за тучи,
Обошелъ свое кольцо,
И насыпалъ блескъ зыбучій
Прямо путнику въ лицо.

Кто сей путникъ и отколѣ?
И далекъ ли путь ему?
По неволѣ или по волѣ
Мчится онъ въ ночную тьму?

Нежданный гость.

Звенятъ звонокъ, и тройка мчится,
Несется пыль по столбовой.
На крыльяхъ радости стремится
Въ домъ кровныхъ воинъ молодой.
Онъ съ ними юношей разстался,
Пятнадцать лѣтъ въ разлукѣ былъ,
Въ чужихъ краяхъ съ врагами дрался,
Царю, отечеству служилъ.
И вотъ въ глазахъ село родное,
На храмѣ Божьемъ крестъ горитъ;
Его забилось сердце живое,
Слеза невольная блеститъ.
Звени, звени, звонокъ, громчѣе,
Лихая тройка, вихремъ мчись!
Ямщикъ, пой пѣсни веселѣе,
Вотъ отчій домъ, остановись!
Звонокъ замолкъ, и паръ клубится
Съ коней ретивыхъ, удалыхъ!
Нежданный гость подъ кровъ стучится,
И быстро входитъ въ кругъ родныхъ.
Его родные не узнали,
Въ немъ измѣнился черты.
И всѣ невольно вопрошали:
«Скажи, служивый, кто же ты?»
— Я вамъ привезъ письмо отъ сына,
Здоровъ и шлетъ онъ вамъ поклонъ,
Моя въ немъ кровь, мое и имя,
Ну, словомъ, я, какъ точно онъ!—

„Нашъ сынъ, нашъ братъ!“ тогда вскричали
Родные кровные его;
Въ объятьяхъ слезы проливали,
Не отходили отъ него.
Звенитъ звоновъ, ямщикъ несется
Въ обратный путь уже одинъ;
И пѣсня громко раздается,
Вдали чуть слышно динь-динь-динь!

О. Глинка.

Жена ямщика.

Скоро будетъ полночь,
Тишина въ избѣ;
Только вѣтеръ воетъ
Жалобно въ трубѣ,

И горитъ лучина,
Издавая трескъ,
На полати, отъ нея
Разливая блескъ.

Дремлетъ возлѣ печки,
Прислонясь къ стѣнѣ,
Мальчуганъ кудрявый
Въ рваномъ зипунѣ.

Слабо освѣщаетъ
Бѣдный огонекъ
Дѣтскую головку
И румянецъ щекъ.

IRREGULAR PAGINATION

Тѣнь его
На стѣнѣ лежитъ
Мать его сидитъ
Ей недаромъ снился
Страшный сонъ вчера.
Вся душа изныла
Съ ранняго утра.

Пятая недѣля
Вотъ къ концу идетъ.
Мужъ, что въ воду, канулъ,

«Ну, Господь помилуй,
Если съ нимъ
Грѣхъ какой случится
На пути лихомъ.

«Дѣло мое бабье,
Цѣлый вѣкъ больна
Что я буду дѣлать
Одиной одна!

„Сынъ еще ребенокъ,
Скоро ль подрастетъ.
Бѣдный, все тоскуетъ
Отъ отца онъ ждетъ.

И глядитъ на сына
Горемыка мать.
«Ты бы легъ, касатикъ,
Перестань дремать!»

«А зачѣмъ же мама
Ты сама не спишь?

И вечоръ ты [illegible]
И теперь сидишь

— «Полно плакать, мама!
Мальчуганъ сказалъ
И къ плечу родимой
Головой прильнулъ.

«Я не стану плакать,
Ляг-ка, усни, дружокъ;
Я тебѣ соломки
Принесу снопокъ.

«Постелю постельку,
А Господь пошлетъ,
Твой отецъ гостинецъ
Скоро привезетъ.

«Новыя салазки
Сдѣлаетъ опять,
Будетъ въ нихъ кататься
По двору кататься.

И дитя забылось,
Ночь длинна, длинна...
Мѣрно раздается
Звукъ веретена.

Дымная лучина
Чуть въ свѣтцѣ горитъ,
Только вьюга какъ-то
Жалобнѣй шумитъ.

Мнится, будто стонетъ
Кто-то у крыльца,
Точно провожаютъ
Съ плачемъ мертвеца.

И на память прихъ
Молодость пришла.
Вотъ и мать-старушка,
Мнится, ожила.

Сѣла на лежанку
И на дочь глядитъ.
«Сохнешь ты, родная,
Сохнешь, говоритъ:

«Гдѣ тебѣ, голубка,
Замужемъ-то жить?
Трудъ, порой рабочей,
Въ полѣ выносить?»

«И въ кого родилась
Ты съ такимъ лицомъ?
Старшія-то сестры
Кровь все съ молокомъ!»

„И разгульны, правда,
Нечего сказать,
Да зато имъ шутка
Молотить и жать.“

„А тебя за разумъ
Хвалитъ вся семья,
Да любить-то—любитъ
Только мать твоя“.

Вотъ въ сѣняхъ избушки
Кто-то застучалъ,
„Батюшка пріѣхалъ,“
Мальчуганъ сказалъ.

И вскочила съ постели,
Щечки ярче розъ.

„Батюшка пріѣхалъ,
Калачей привезъ!..“—

— Вишь морозъ какъ крѣпко
Дверь-то прихватилъ,—
Грубо гость знакомый
Вдругъ заговорилъ.

И мужикъ плечистый
Сильно дверь рванулъ,
На порогѣ съ шапки
Иней отряхнулъ;

Осѣнилъ три раза
Грудь свою крестомъ,
Почесалъ затылокъ
И сказалъ потомъ:

«Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ?
Экая погодка,
Въ полѣ слѣда нѣтъ!»

«Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришелъ:
Я лошадокъ вашихъ
Изъ Москвы привелъ.»

«А мой мужъ?» —сказала
Ямщика жена,
И бѣлѣе снѣга
Сдѣлалась она.

„Да въ Москву пріѣхавъ,
Вдругъ онъ захворалъ,
И Господь бѣдняга
По душу послалъ.“

Вѣсть, какъ громъ, упала...
И, едва жива,
Перевесть дыханья
Не могла вдова.

Опустивъ ручонки,
Сынъ дрожалъ какъ листъ.
За стѣной избушки
Былъ и плачъ, и свистъ.

«Вишь, какая притча,
Разсуждалъ мужикъ!
Вѣрно я не въ пору
Развязалъ языкъ.»

«А, вѣдь, жалко бабу,
Что и говорить!
Скоро ей придется
По-міру ходить».

«Полно горевать-то!
Онъ вдовѣ сказалъ,
Стало, нечя дѣлать,
Богъ, знать, наказалъ!»

«Ну, прощай, покуда,
Мнѣ домой пора;
Лошади-то ваши
Тутъ вонъ, у двора».

«Да... вѣдь, эка память!
Все сталъ забывать.
Вотъ, отецъ священникъ
Крестъ велѣлъ отдать».

«Самъ онъ черезъ силу
Съ шеи его снялъ,

Въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
Въ руки и сказалъ:

«Вотъ благословенье
Сыну моему,
Пусть не забываетъ,
Мать, скажи ему».

«А тебя-то, видно,
Крѣпко онъ любилъ;
По смерть твое имя
Бѣдный онъ твердилъ».

И. С. Никитинъ.

Осѣдлаю коня.

Осѣдлаю коня.
Коня быстраго,
Я помчусь полечу
Легче сокола.

Чрезъ поля, за моря,
Въ дальню сторону.
Догоню, ворочу
Мою молодость!

Приберусь и явлюсь
Прежнимъ молодцемъ,
И приглянусь опять
Краснымъ дѣвицамъ!

Но, увы, нѣтъ дорогъ
Къ невозвратному,
Никогда не взойдетъ
Солнце съ запада!

А. В. Кольцовъ.

Изъ пьесы „Ямщики“.

1.

Пѣсня Василія.

Скучно сиротинушкѣ:
Радость прочь бѣжитъ,
И тоска, какъ олово,
На сердцѣ лежитъ!
Люди, братья милые,
Будто вамъ не жаль,
Что меня, несчастнаго,
Съѣла грусть-печаль

2.

Пѣсня Степана.

Не считались никогда;
Насъ корысть не гложетъ;
Одному пришла бѣда,
Такъ другой поможетъ.
Парень русскій я, простой.
И расчетъ короткій.

---

*) Соч. актера П. Григорьева.

Грошъ послѣдній за душой
Раздѣлю съ сироткой.
Нѣмцы мелютъ пустяки,
Не жалѣя груди.
Будто наши мужики
Звѣри, а не люди.
Имъ ли насъ поронить въ томъ?
Мы учливость знаемъ,
Только птичьимъ молокомъ
Ихъ не угощаемъ!
Эхъ! да что я... Прахъ возьми,
Провались вы къ бѣсу!
Волка сколько не корми,
Все онъ смотритъ къ лѣсу!
Русскихъ знаетъ цѣлый свѣтъ.
Не съ руки имъ чванство,
Правду ль молвилъ я, аль нѣтъ,
Пусть рѣшитъ дворянство.

Тройка.

Что ты жадно глядишь на дорогу
Въ сторонѣ отъ веселыхъ подругъ?
Знать, забило сердечко тревогу,
Все лицо твое вспыхнуло вдругъ.
И зачѣмъ ты бѣжишь торопливо
За промчавшейся тройкой во слѣдъ?
На тебя, подбоченясь, красиво
Загляделся проѣзжій корнетъ.
На тебя заглядѣться не диво,
Полюбить тебя всякій не прочь

Вьется алая лента игриво
Въ волосахъ твоихъ темныхъ, какъ ночь.
Сквозь румянецъ щеки твоей смуглой
Пробивается легкій пушокъ;
Изъ-подъ брови твоей полукруглой
Смотритъ бойко лукавый глазокъ!
Взглядъ одинъ чернобровой дикарки
Разжигаетъ убійственно кровь.
Старика разорить на подарки,
Въ сердце юноши кинетъ любовь.
Пожила бы ты весело, въ волю,
Жизнь была бы полна и легка,—
Да не то тебѣ вышло на долю:
За неряху найдешь мужика.
Завязавши подъ мышки передникъ,
Перетянешь уродливо грудь;
Будетъ бить тебя мужъ привередникъ,
И свекровь въ три погибели гнуть.
Отъ работы и черной, и трудной
Отцвѣтешь, не успѣвши расцвѣсть,
Погрузишься ты въ сонъ непробудный:
Станешь нянчить, работать и ѣсть.
И въ лицѣ твоемъ, полномъ движенья,
Полномъ жизни,—появится вдругъ
Выраженье тупого терпѣнья
И безсмысленный вѣчный испугъ.
И схоронятъ въ сырую могилу.
Какъ пройдешь ты тяжелый свой путь,
Безполезно угасшую силу
И ничѣмъ не согрѣтую грудь.
Не гляди-же съ тоской на дорогу,
И за тройкой во слѣдъ не спѣши,
И тоскливую въ сердцѣ тревогу
Поскорѣй навсегда затуши.

Не догнать тебѣ бѣшеной тройки:
Кони сыты, и крѣпки, и бойки,
И ямщикъ подъ хмелькомъ, и въ другой
Мчится вихремъ корнетъ молодой.

Н. А. Некрасовъ.

Пара гнѣдыхъ.

1.

Пара гнѣдыхъ, запряженныхъ съ зарею,
Тощихъ, голодныхъ и грустныхъ на видъ,
Вѣчно бредете вы мелкой рысцою,
Вѣчно куда-то вашъ кучеръ спѣшитъ.
Были когда-то и вы рысаками,
И кучеровъ вы имѣли лихихъ
Ваша хозяйка состарилась съ вами...
Пара гнѣдыхъ, пара гнѣдыхъ!

2.

Ваша хозяйка въ старинные годы
Много имѣла хозяевъ сама:
Опытныхъ въ домъ привлекала изъ моды,
Болѣе нѣжныхъ сводила съ ума.
Таялъ въ объятьяхъ любовникъ счастливый,
Таялъ порой капиталъ у иныхъ...
Часто стоять на конюшнѣ могли вы—
Пара гнѣдыхъ, пара гнѣдыхъ!

Грекъ изъ Одессы и жидъ изъ Варшавы,
Юный корнетъ и съдой генералъ,
Каждый искалъ въ ней любви и забавы
И на груди у нея засыпалъ.
Гдѣ же они? въ какой новой богинѣ
Ищутъ теперь идеаловъ своихъ?
Вы, только вы, и вѣрны ей до-нынѣ—
Пара гнѣдыхъ, пара гнѣдыхъ!

II

Вотъ почему, запрягаясь съ зарею
И голодая по нѣскольку дней,
Вы подвигаетесь медкой рыспею,
И возбуждаете смѣхъ у людей.
Старость, какъ ночь, вамъ и ей угрожаетъ,
Говоръ толпы невозвратно утихъ,
И только кнутъ васъ порою ласкаетъ—
Пара гнѣдыхъ, пара гнѣдыхъ!

III

Тихо туманное утро въ столицѣ;
По улицѣ медленно дроги ползутъ;
Въ гробѣ сосновомъ останки блудницы
Пара гнѣдыхъ еле-еле везутъ.
Кто жъ провожаетъ ее на кладбище?
Нѣтъ у нея ни друзей, ни родныхъ,
Нѣсколько только оборванныхъ нищихъ:
Пара гнѣдыхъ, пара гнѣдыхъ!

Борода-ль моя, бородушка

Борода-ль моя, бородушка,
Борода-ль моя бобровая!
Посѣдѣла ты, бородушка,
До поры своей, до времени!

Поведу, бывало, гаркнувши,
Усомъ чернымъ, молодецкимъ,—
Красна дѣвица огнемъ горитъ,
Дочь боярская—таетъ въ полымѣ.

Прикушу себѣ косматую,
Басурманинъ злой съ коня летитъ,
Дряблый нѣмецъ въ нору прячется.
Занесло тебя, кудрявую.

Да не снѣгомъ, да не инеемъ,
Сѣдиной, лихой кручиною,
Растрепалъ тебя, родимую,
Да не вѣтеръ, да не лютый врагъ,—

Растрепалъ тебя незванный гость,
Что незванный гость—змѣя тоска!
Борода-ль моя, бородушка,
Борода ль моя, бобровая!

DAMAGED PAGE(S)

Дюжая сила.

Породила меня матушка,
Породила съ дюжей силою:
Коль схвачу, кого мнѣ надобно,
Такъ схвачу рукой не хилою!
Никогда мое сердечушко
Предъ лихой бѣдой не екало!
Запою—встряхну дубравушку,
Размахнусь—падетъ все около!
Не страшитъ меня неизгодушка,
Мнѣ бѣды нигдѣ не чается!
Ну-ка, ну! со мною, молодцемъ,
Кто придетъ да посчитается!
Выросталъ я—силой тѣшился,
Руки чесывалъ могучія:
Я пахалъ пески сыпучіе,
Вырубалъ лѣса дремучіе!
Никогда то моя спинушка
Ни предъ чѣмъ не изгибается!
Распляшусь—земля заохаетъ,
Гаркну—лѣшій испугается!
У меня жена, молодушка,
Такъ-то славно улыбается!
Ну-ка, ну! со мною молодцемъ,
Кто—придетъ—да посчитается!
Прочь съ дороги, тварь лукавая!
Мнѣ ли съ недругомъ маячиться!
Гикну, свистну добрымъ посвистомъ—
Дряблый ворогъ въ норы спрячется!
Не люблю—иди сторонкою,
А люблю—такъ любо-дорого!

Разсержусь—такъ вихремъ по полю
Размечу, раскидаю ворота!
Бьется сердце молодецкое,
Кровь клокочетъ, разгорается!
Ну-ка, ну! со мною, молодецъ,
Кто—придетъ—да посчитается!

И. К. Кондратьевъ.

Буря.

Долго не сдавалась Любушка, сосѣдка;
Наконецъ, шепнула: „Есть въ саду бесѣдка;
Какъ темнѣе станетъ—понимаешь ты?..“
Ждалъ я, истрадался, ночки—темноты!
Кровь-то молодая, закипитъ—не шутка!
Да взглянулъ на небо—и повѣрить жутко!
Небо обложилось тучами кругомъ.
Полилъ дождь ручьями—прокатился громъ!
Брови я нахмурилъ и пошелъ угрюмый.—
„Свидѣться сегодня лучше и не думай!
Люба бѣлоручка, Любушка пуглива,
Въ бурю за ворота выбѣжитъ ей дива:
Правда, не была бы буря ей страшна,
Еслибъ... да настолько любитъ ли она?..“
Безъ надежды, скученъ, прихожу въ бесѣдку!
Прихожу и вижу—Любушку, сосѣдку!
Промочила ножки и хоть выжми шубку...
Было-жъ мнѣ заботы обсушить голубку!
Да зато съ той ночи я бровей не хмурю,
Только усмѣхаюсь, какъ заслышу бурю...

Н. А. Некрасовъ.

Катеринушка.

(Изъ поэмы «Коробейники».)

Хорошо было дѣтинушкѣ
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушкѣ
Парня ждать до Покрова.

Часто въ ночку одинокую
Дѣвка часу не спала,
А какъ жала рожь высокую
Слезы въ три ручья лила.

Извелась бы, безутѣшная,
Кабы время горевать,
Да пора такая спѣшная—
Надо десять дѣлъ кончать.

Часто Катѣ приходилося
Молодицѣ не втерпежъ,
Подъ косой трава валилася,
Подъ серпомъ горѣла рожь.

Изо всей-то силы-мочушки
Молотила по утрамъ,
Ленъ стлала до поздней ноченьки
По росистымъ по лужкамъ.

Стелетъ ленъ, а дума тяжкая
Камнемъ на сердцѣ лежитъ,
„Какъ другая дѣвка красная
Молодца приворожитъ!

Какъ полюбитъ да сосватаетъ
На чужой на сторонѣ!“

И у Кати сердце падаетъ;
„Ты женись, милый мой!“

„Ни дворянка, ни купчиха я,
Да и нравомъ то смирна,
Буду я невѣста тихая,
Работящая жена!“

„Ни тебѣ, ни свекру батюшкѣ
Никогда не нагрублю,
Отъ свекрови, твоей матушки,
Слово бранное стерплю.“

„Ты не мучь себя работою,
Силы мнѣ не занимать;
Я за милаго съ охотою
Буду пашеньку пахать.“

„Ты живи себѣ, пулячи,
За работницей женись,
По базарамъ разъѣзжаючи,
Веселись да пѣсни пой.“

„А вернешься съ торгу пьяненькій,
Накормлю и уложу;
„Спи, пригожій, спи румяненькій!
Больше слова не скажу!“

„Видитъ Богъ, не разсердилась бы,
Уходила бы коля,
Да къ тебѣ и подвалилась бы.
„Поцѣлуй, дружокъ,

Некрасовъ.

Пѣсня Бобыля.

Ни кола, ни двора,
Запунъ весь пожитокъ...
Эхъ! живи—не тужи,
Умрешь—не убытокъ!
Богачу—дураку—
И съ казной не спится;
Бобыль голъ, какъ соколъ,
Поетъ—веселится.
Онъ идетъ, да поетъ,
Вѣтеръ подпѣваетъ;
Сторонись, богачи!
Бѣднота гуляетъ!
Рожь стоитъ по бокамъ,
Отдаетъ, поклоны...
Эхъ привѣтни, бобыль!
Слушай, лѣсъ зеленый!
Ужь ты плачь ли, не плачь,—
Слезъ никто не видитъ;
Оробѣй, загорюй,—
Курица обидитъ,
Ужь ты сытъ ли, не сытъ,—
Въ печаль не вдавайся;
Причешись, распахнись,
Шути, улыбайся!
Поживемъ да умремъ—
Будетъ голь пригрѣта...
Разумѣнья того умень—
Пѣсенка допѣта!

И. С. Никитинъ.

Казакъ.

Разъ полуночной порою,
Сквозь туманъ и мракъ,
Ѣхалъ тихо надъ рѣкою
Удалой казакъ.
Черна шапка на бекренѣ,
Весь жупанъ въ пыли,
Пистолеты при колѣнѣ,
Сабля до земли.
Вѣрный конь, узды не чуя,
Шагомъ выступалъ,
Гриву долгую волнуя,
Углублялся въ даль.
Вотъ предъ нимъ двѣ, три избушки,
Выломанъ заборъ;
Здѣсь—дорога къ деревушкѣ,
Тамъ—въ дремучій боръ.
„Не найду въ лѣсу дѣвицы!“
Думалъ хватъ-Денисъ:
„Ужь красавицы въ свѣтлицы
На ночь собрались.“
Шевельнулъ донецъ ушкою,
Шпорой прикольнулъ
И помчался конь стрѣлою,
Къ избамъ завернулъ.
Въ облакахъ луна сребрила
Дальни небеса,
Подъ окномъ сидитъ, уныла,
Дѣвица-краса.
Храбрый видитъ красну дѣву,
Сердце бьется въ немъ,

Конь тихонько къ лѣву, къ лѣву,
Вотъ ужь подъ окномъ.
Ночь становится темнѣе,
Скрылася луна.
„Выдь, коханочка, скорѣе!
Напои коня!..
„Нѣтъ, къ мужчинѣ молодому
Страшно подойти,
Страшно выдти мнѣ изъ дому,
Дать коню воды!..
—„Ахъ, не бойсь, дѣвица красна,
Съ милымъ подружись!
„Ночь красавицамъ опасна!
—„Радость, не страшись!
Вѣрь, красавица, пустое!
Ложный страхъ отбрось!
Тратить время золотое,
Милая, не бойсь!
Сядь на борзаго, съ тобою
Въ дальний буду край.
Будешь счастлива со мною,
Съ другомъ всюду рай!
Что же дѣвица? Склонилась,
Побѣдила страхъ,
Робко ѣхать согласилась!
Счастливъ сталъ казакъ!
Поскакали, полетѣли,
Дружку другъ любилъ,
Былъ ей вѣренъ три недѣли,
А потомъ забылъ.

КНИЖНАЯ

и

КАРТИННАЯ ТОРГОВЛЯ

Ивана Андреевича

МОРОЗОВА

Харьковъ

ВЪ МОСКВѢ

Никольская ул., д. церкви Владимірской Б. М.

Харьковъ

ХРОМО-ЛИТОГРАФІЯ

Кисельный пер., собственный домъ.

ВЪ ЯРМАРКАХЪ:

НИЖЕГОРОДСКАЯ НА ШОССЕ.

УРЮПИНСКАЯ: въ Крещенской и Покровской.